

DOI: 10.17976/jpps/2022.06.09

ИЗБЕЖАТЬ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. ПРОБЛЕМЫ ЭСКАЛАЦИИ/ДЕЭСКАЛАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ПРИ ПРИБЛИЖЕНИИ К “ЯДЕРНОМУ ПОРОГУ”

В.Г. Барановский, Е.П. Бужинский, А.В. Загорский, А.И. Никитин,
С.К. Ознобищев

БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, МГИМО МИД России; член дирекции и руководитель научного направления, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: baranovsky@imemo.ru; **БУЖИНСКИЙ Евгений Петрович**, генерал-лейтенант (в отст.), кандидат военных наук, эксперт ИМИ, МГИМО МИД России; вице-президент, РСМД; председатель Совета, ПИР-Центр; руководитель, Центр прикладных политико-военных исследований факультета мировой политики, МГУ им. М.В. Ломоносова; профессор, НИУ ВШЭ, Москва, email: buzhinsky@pircenter.org; **ЗАГОРСКИЙ Андрей Владимирович**, кандидат исторических наук, профессор, МГИМО МИД России; зав. отделом, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: zagorskiandrei@gmail.com; **НИКИТИН Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории, директор Центра евроатлантической безопасности ИМИ, МГИМО МИД России; главный научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН; профессор, НИУ ВШЭ; профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова; почетный президент Российской ассоциации политической науки, Москва, email: an@inno.mgimo.ru; **ОЗНОБИЩЕВ Сергей Константинович**, кандидат исторических наук, профессор, МГИМО МИД России; зав. сектором, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: serko96@gmail.com

Барановский В.Г., Бужинский Е.П., Загорский А.В., Никитин А.И., Ознобищев С.К. 2022. Избежать ядерной войны. Проблемы эскалации/деэскалации вооруженных конфликтов при приближении к “ядерному порогу”. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 114–134. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>

Статья подготовлена в рамках грантового проекта МГИМО МИД России “Системное развитие международной деятельности Института международных исследований МГИМО МИД России” (проект 2022-02-02, руководитель проекта – А.И. Никитин) и представляет основные положения Аналитического доклада, подготовленного в рамках данного проекта.

Статья поступила в редакцию: 04.07.2022. Принята к публикации: 09.08.2022

Аннотация. В развитии ряда международных конфликтов последних десятилетий существовал потенциальный риск применения ядерного оружия. В статье анализируются и систематизируются факторы и меры, позволившие предотвратить эскалацию конфликтов до “ядерного порога”, чреватого риском катастрофических последствий в случае его преодоления. Обсуждается возможность и вероятность избежать ядерной эскалации из-за несанкционированных действий, ошибок, технических сбоев и неверной интерпретации действий потенциального противника. Рассматриваются механизмы деэскалации военно-политических инцидентов, комплекс сложившихся мер доверия и обеспечения безопасности. Выявляется их применимость в современных условиях, значимость как в контексте сложившихся отношений по линии Россия–Запад/НАТО, так и в долгосрочной (в масштабах десятилетий) перспективе.

Ключевые слова: ядерное оружие, эскалация, деэскалация, ядерный порог, вооруженные конфликты, НАТО, меры по укреплению доверия, международная безопасность.

Взаимоотношения между государствами, особенно между мировыми державами, могут приобретать и регулярно приобретают характер конфликтов, проистекающих из столкновения их интересов. В зависимости от характера

этих интересов и готовности государств к компромиссу конфликт может быть урегулирован и вообще снят с повестки дня — но также способен перерасти в прямую конфронтацию, в которой задействованы вооруженные силы и которая, при вовлечении в конфликт ядерных держав, чревата превращением в ограниченную или полномасштабную ядерную войну.

Политический курс государств, оказавшихся в конфликтном противостоянии, формулируется, как правило, по мотивам и императивам “высших национальных интересов” и может быть сориентирован как на мирное урегулирование, так и на применение военной силы. Дихотомия “эскалация — деэскалация” становится для сторон конфликта не проблемой ценностных приоритетов (в пользу урегулирования либо в пользу военно-силового решения), а проблемой рационального выбора (как лучше добиться искомого политического результата).

В официальных документах основных держав, обладающих ядерным оружием (ЯО), обозначены принципиальные положения, регламентирующие его применение¹. Они очерчивают главные направления стратегического мышления политического руководства ядерных стран, однако в своей совокупности никогда не были протестированы на практике, хотя после первого и единственного в истории боевого применения ядерного оружия Соединенными Штатами в 1945 г. ядерные державы уже не раз продвигались в направлении “ядерного порога” и отступали от него.

Российская официальная доктрина формулирует ключевой принцип относительно целей и возможностей применения ЯО следующим образом: “Российская Федерация рассматривает ядерное оружие исключительно как средство сдерживания, применение которого является крайней и вынужденной мерой, и предпринимает все необходимые усилия для уменьшения ядерной угрозы и недопущения обострения межгосударственных отношений, способного спровоцировать военные конфликты, в том числе ядерные”².

Существуют эвентуальные сценарии международного конфликта разного уровня — от угрозы захвата и/или использования оружия массового уничтожения криминально-террористическими группировками до возможности перерастания конфликта с применением обычных вооружений между ядерными державами в их противостояние с использованием тактического ЯО, а возможно, и ракетно-ядерных сил стратегического назначения. Важно иметь представление об имеющихся алгоритмах решения, которые минимизировали бы угрозу эскалации до ядерного уровня и нацеливали на снижение масштабов противоборства. В некоторых ситуациях выбор таких алгоритмов может иметь критическое значение для судеб мира.

Определение и трактовка механизмов деэскалации конфликтов должны учитывать интересы не только непосредственно вовлеченных в конфликт

¹ В России такими документами являются утвержденный 02 июня 2020 г. Указ Президента РФ № 355 “Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания” (<http://kremlin.ru/acts/bank/45562>) и Военная доктрина Российской Федерации (<http://scrf.gov.ru/security/military/document129>). В США ключевые положения ядерной стратегии содержатся в регулярно обновляемых “Обзорах ядерной политики” (*Nuclear Posture Review*). Последняя по времени засекреченная версия документа была официально представлена Пентагоном американскому Конгрессу 28 марта 2022 г. (<https://media.defense.gov/2022/Mar/29/2002965339/-1/-1/1/FACT-SHEET-2022-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-AND-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF>). Обзор официальной ядерной доктрины Индии, принятой в августе 2003 г., см. [Roy-Chaudhury 2009]. Краткое изложение ядерной стратегии Пакистана можно найти в: Сотников В.И. Ядерная доктрина Пакистана. *Институт Ближнего Востока*, 25.03.2009. www.iimes.ru/?cat=167&paged=10 (accessed 28.06.2022). Однако помимо открытых документов в каждой из ядерных стран существуют и закрытые руководства по применению ЯО.

² Указ Президента РФ № 355 “Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания”. <http://kremlin.ru/acts/bank/45562> (accessed 28.06.2022).

сторон, но и других участников международной жизни. Важное значение могут иметь и иные императивы (предполагающие выполнение союзнических обязательств, ценностные, цивилизационные, глобальные и т.п.).

Сопоставим “лестницу” эскалации/деэскалации в нескольких реальных конфликтных ситуациях последних десятилетий. Применительно к каждой из них представляется важным: обозначить международный контекст ситуации; определить цели вовлеченных действующих сил; описать их представления о возможных выигрышах/рисках эскалации *versus* деэскалации; выявить конкретные решения, приведшие в конечном счете к отступлению от “ядерного порога”.

КРИЗИСНАЯ ИСТОРИЯ “ЯДЕРНОЙ ЭРЫ”

История международных отношений насчитывает немало случаев угрозы применения ядерного оружия. Такая угроза, как правило, проистекала из стремления одной из сторон убедительно обозначить свою решимость реализовать военно-политические цели – особенно когда соотношение сил в кризисной ситуации могло рассматриваться как неблагоприятное.

Суэцкий кризис (1956 г.). Суэцкий кризис развернулся на фоне решения правительства Египта национализировать Суэцкий канал и ухудшающихся отношений Египта и Израиля. Сформировался тройственный альянс Великобритании, Франции и Израиля, склонный к силовому разрешению конфликта. Резкое обострение обстановки произошло 29 октября 1956 г., когда Израиль начал боевые действия против Египта. В конфликт оказались вовлеченными США и СССР, боровшиеся за влияние в арабском мире, но в данном случае совместно выступавшие на стороне защиты прав Египта.

Основную роль в деэскалации кризиса сыграли давление со стороны США и СССР (вектор которого оказался совпадающим, что было исключительным для того времени), а также направленные против Великобритании и Франции экономические ограничения и санкции. Возник кумулятивный эффект “количественного накопления” действий участников, каждое из которых по отдельности не могло бы принести желаемый позитивный результат.

Попытка осуществить деэскалацию конфликта через широкое политическое осуждение постколониальных устремлений Лондона и Парижа частично потерпела неудачу – резолюция Совета Безопасности ООН была заблокирована Великобританией и Францией. Однако она сформировала весьма неблагоприятный международный климат для активных участников, не настроенных на прекращение конфликта.

Шагом по пути эскалации стала высадка войск Великобритании и Франции, начавшаяся в Порт-Саиде 5 ноября. Их действия становились все более мощным раздражителем для всего мира. СССР отреагировал весьма решительным обращением с требованием прекратить войну в зоне Суэца. Как вспоминает почетный генеральный конструктор “НПО машиностроения” Г. Ефремов, “было разослано пояснение... англичанам и французам... где было показано, сколько надо мегатонн ядерных зарядов положить на Англию, чтобы ее не было, и сколько на Францию. В три дня все свернули. Оставили в покое Суэцкий канал с Египтом”³.

На следующий день, 6 ноября, началась деэскалация конфликта. Великобритания и Франция вскоре свернули агрессию против Египта. Однако поскольку в заявлении СССР увидели угрозу применения ракетно-ядерного оружия, США ввели кратковременное и ограниченное повышение боего-

³ “Умные” ракеты Ефремова. Выдающийся конструктор об уникальном оружии “с изюминкой”. ТАСС, 20.09.2018. <https://tass.ru/armiya-i-opk/5577346> (accessed 28.06.2022).

товности стратегических ядерных сил. Но в целом решительные действия советского руководителя Никиты Хрущева совпали с намерением президента США Дуайта Эйзенхауэра и его окружения погасить конфликт, порожденный постколониальными амбициями бывших метрополий.

Берлинский кризис (1961 г.). После окончания Второй мировой войны Берлин находился под четырехсторонним управлением. В восточной его части СССР фактически передал властям ГДР управление городом. Западный Берлин оставался под управлением США и их союзников, что не устраивало советскую сторону. Кроме того, с момента раздела Германии в 1949 г. из ГДР в ФРГ бежало около 2,5 млн человек, что также вызывало недовольство Москвы и ухудшало репутацию “первого социалистического государства на немецкой земле”. Решение советской стороны перекрыть границы между Западным и Восточным Берлином положило начало Берлинскому кризису 1961 г.

Американское руководство склонялось к тому, чтобы применить ядерное оружие в случае повторения первого берлинского кризиса (1948 г.), когда СССР установил блокаду Западного Берлина. Хотя президент Франции Шарль де Голль политически поддерживал американцев и западных немцев, он решил в целях деэскалации конфликта оповестить Москву о возможности ядерного сценария, о чем проинформировал советского посла в Париже⁴.

О возможном применении ЯО лидеру СССР Никите Хрущеву было доложено и через надежный разведывательный канал. Подтверждение информации по нескольким направлениям сыграло существенную роль в деэскалации ситуации с советской стороны — было принято решение отказаться от полной блокады Западного Берлина, но при этом приступить к постройке Берлинской стены⁵.

Карибский кризис (1962 г.). был одним из острейших в истории. Он ближе всего подвел СССР и США к краю “ядерной бездны”, когда возникла реальная угроза применения ядерного оружия.

Изменение политического строя на Кубе, которая после революции стала для Москвы “братской” социалистической страной, предопределило открытую ориентацию Вашингтона на свержение неприемлемого для него режима, ради чего было предпринято несколько попыток вооруженного вмешательства. В Москве сочли необходимым этому воспрепятствовать, оказав военную поддержку Гаване. Таковую решили сопроводить созданием ракетно-ядерной угрозы для США с кубинской территории — отвечая на развертывание ракетных установок США в Турции, нацеленных на СССР⁶.

В мае 1962 г. Никита Хрущев высказался о необходимости разместить на Кубе “некоторое количество наших ракет в ядерном оснащении. Только это может спасти страну...”⁷ Генштаб разработал операцию “Анадырь”, в ходе которой на острове были размещены пусковые установки советских ракет Р-12 и Р-14, которые могли быть оснащены ядерными боеголовками⁸. 14 октября 1962 г. американский самолет-разведчик сфотографировал развернутые позиции советских ракет. Фотографии были продемонстрированы президенту

⁴ Де Голль сообщил СССР о возможности ядерной войны в 1961 году. *РИА Новости*, 19.04.2008. <https://ria.ru/20080419/105456248.html> (accessed 28.06.2022).

⁵ Паклин Н. Бывший куратор французских спецслужб: Де Голль глубоко уважал Сталина. *Российская газета*, 19.04.2008. <https://rg.ru/2008/04/19/melnik.html> (accessed 28.06.2022).

⁶ Иванов В. Кубинский ракетный кризис. *Независимое военное обозрение*, 26.10.2012. https://nvo.ng.ru/wars/2012-10-26/12_kuba.html (accessed 28.06.2022).

⁷ Каримов О. Карибский кризис. Развязка драматичных событий на пороге Третьей мировой. *Российская газета*, 09.09.2017. <https://rg.ru/2017/09/09/rodina-karibskij-krizis-razviazka.html> (accessed 28.06.2022).

⁸ Там же.

США Джону Кеннеди, что вызвало его резкую реакцию и придало импульс кризисному развитию. Была объявлена военно-морская блокада Кубы, которая стала важным шагом вверх по “лестнице эскалации”.

Как следует из недавно опубликованных Национальным архивом по безопасности США секретных документов того периода и из заявлений близких к президенту чиновников, Кеннеди был категорически против вторжения на Кубу, представляя себе тяжелейшие последствия возможного ядерного конфликта. Он был крайне озабочен тем, что ядерная война может начаться и в Европе, где у Америки были большие запасы ядерного оружия. Американские же военные весьма активно готовились к войне с Кубой и разрабатывали соответствующие оперативные планы⁹. Вооруженные силы США были впервые переведены на уровень повышенной ядерной готовности DEFCON-3, а Стратегическое авиационное командование даже на еще более высокий уровень – DEFCON-2, предшествующий максимальной боевой готовности.

Апогеем кризиса можно считать 27 октября, когда над Кубой был сбит американский самолет-разведчик. Это происшествие было воспринято многими как “первый выстрел последней войны”. Фидель Кастро обратился к Никите Хрущеву с предложением нанести превентивный ядерный удар по США¹⁰.

Этот “эскалационный пик” требовал срочного задействования всех возможных, в том числе нестандартных, но вполне “доверительных” каналов связи. В ночь с 27 на 28 октября советский посол в США Анатолий Добрынин встретился с братом президента Робертом Кеннеди – министром юстиции США. В результате были получены заверения, что США готовы дать гарантии безопасности Кубы в обмен на отказ от размещения там советских ракет.

В связи с необходимостью остановить крайне опасную эскалацию нарастающего кризиса, который мог стать неуправляемым, советский ответ был дан в срочном и неординарном порядке. Это было прозвучавшее по радио заявление советского правительства, о трансляции которого по всем возможным каналам была заранее предупреждена американская сторона¹¹.

В письменном обращении Хрущева к президенту Кеннеди давалось согласие “вывезти те средства с Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами”, и заявить об этом в ООН. В ответ США, по требованию советской стороны, “вывезут свои аналогичные средства из Турции”¹². Активное участие первых лиц государства в деэскалационном процессе позволило предотвратить один из опаснейших конфликтов в истории, перспектива эскалации которого до ядерного уровня была очень высока. 7 января 1963 г. представители СССР и США проинформировали Генерального секретаря ООН, что считают возможным исключить вопрос о Карибском кризисе из повестки дня Совета безопасности ООН, это положило конец конфликту.

Ядерная составляющая войны “Судного дня” (1973 г.). Во время четвертой арабо-израильской войны в октябре 1973 г. имело место резкое обострение военно-политической ситуации.

Отправной точкой стало обращение Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева к президенту США Ричарду Никсону 24 октября 1973 г.

⁹ Иванов В. Кубинский ракетный кризис... (указ. соч).

¹⁰ Миронов В. Без минуты полночь: как Хрущев и Кеннеди предотвратили ядерную войну. *Russia Today*, 28.10.2017. <https://russian.rt.com/science/article/443914-hrushev-kennedi-karibskiy-krizis> (accessed 28.06.2022).

¹¹ Харламов И. Карибский кризис: роль СМИ в истории. *РИА Новости*, 26.04.2016. <https://ria.ru/20160426/1420309092.html> (accessed 28.06.2022).

¹² Обращение Н.С. Хрущева к Д.Ф. Кеннеди во время Карибского кризиса 27 окт. 1962 г. *Cold War*. http://www.coldwar.ru/conflicts/cuba/khrushchev_speech.php (accessed 28.06.2022).

с предложением совместно прекратить арабо-израильскую войну. Однако американское руководство на основе интерпретации полученных разведанных пришло к выводу, что это послание может быть внешнеполитической подготовкой к вероятному советскому военному вмешательству. Никсон объявил в вооруженных силах США боеготовность уровня DEFCON-3¹³. Тем самым Москве был подан сигнал о решимости предотвратить гипотетическое активное советское вмешательство в войну, если понадобится, ядерными средствами.

В США получили сведения о повышении боеготовности нескольких советских воздушно-десантных дивизий. Также поступила информация, что 22 октября через Босфор прошло советское судно, на борту которого находились ядерные боезаряды для оперативно-тактических ракет Р-17, имевшихся в распоряжении Египта¹⁴. Эта информация носила весьма спорный характер, однако она послужила аргументом для тех в Вашингтоне, кто полагал, что СССР может готовить силовое вмешательство в конфликт на стороне Египта и, кроме того, собирается разместить ядерное оружие на Ближнем Востоке.

Советское руководство не пошло на ответное повышение уровня эскалации. Довольно сдержанная реакция на американские действия свелась к приказу о повышении боеготовности в некоторых отдельных частях РВСН. Это послужило Вашингтону основанием для вывода об отказе СССР от “уравнивания ставок” и о его готовности к конструктивному взаимодействию.

После обмена сигналами на самом высоком политическом уровне (Никсон – Брежнев) был взят курс на поиск компромисса. СССР дополнительно разрядил обстановку, согласившись в ООН на резолюцию о вводе в зону конфликта миротворческого контингента, не включавшего военных ни одной из стран – постоянных членов СБ ООН. 26 октября США формально завершили кризисную фазу, отменив боеготовность уровня DEFCON-3.

Война в Персидском заливе – “Буря в пустыне” (1990-1991 гг.). В процессе подготовки военной кампании в Ираке и в ходе ее реализации, как оказалось впоследствии, в кругу высокопоставленных лиц США всерьез обсуждалась возможность применения ядерного оружия. Так, Стратегическим командованием ВС США отмечалась необходимость сочетания ядерных и неядерных средств для достижения успеха в сложных военных операциях [Lissner 2017]. Объединенный комитет начальников штабов по запросу министра обороны подготовил специальный доклад, в котором намеренно занижались разрушительные возможности и боевая эффективность ЯО на театре военных действий [Schwartz 1998]. Сделано это было с целью понизить “ядерный порог”, за которым можно перейти к применению ядерного оружия.

Прорабатывались также сценарии взрыва ядерного заряда для вывода из строя иракской системы ПВО¹⁵. Серьезность намерений на этом направлении прозвучала в заявлении министра обороны Дика Чейни о готовности ответить на возможное применение Ираком химического или биологического оружия “абсолютно подавляюще и разрушительно”¹⁶.

¹³ Рассекречены документы о роли США в войне Судного дня 1973 года. *Правда.Ру*, 09.10.2003. https://www.pravda.ru/news/world/15046-rassekrecheny_dokumenty_o_rol_i_ssha_v_voine_sudnogo_dnja_1973/ (accessed 28.06.2022).

¹⁴ Ефименко Я., Скулин А. Пятая эскадра и судный день. Часть 2. *Наука и Техника*, 18.01.2019. <https://naukatehnika.com/pyataya-eskadra-i-sudnyj-den-chast-2.html> (accessed 28.06.2022).

¹⁵ Литовкин Д. Малой мощностью. Почему Россию тревожат новые американские ядерные боеголовки. *ТАСС*, 06.02.2020. <https://tass.ru/opinions/7698503> (accessed 28.06.2022).

¹⁶ Nuclear Threats – Desert Storm – 1991. *Global Security*. <https://www.globalsecurity.org/wmd/ops/desert-storm.htm> (accessed 28.06.2022).

От применения ядерного оружия, по-видимому, воздержались из-за ожидаемого резко негативного политического резонанса внутри США и в мире. В международно-правовом плане речь шла бы о нарушении режима Договора о нераспространении ядерного оружия (тем более что Ирак является его участником в неядерном статусе). Применение ЯО также пошатнуло бы поддержку возглавляемой Вашингтоном операции союзниками США.

Сыграли свою роль и новые настроения в экспертном сообществе. В частности, представления о способности высокотехнологических конвенциональных систем решать задачи, которые раньше были под силу только ядерному оружию, а также о возможности эффективного сдерживания противника от применения химического и биологического оружия с помощью традиционных вооружений [Lissner 2017].

Даже ограниченное применение ЯО в ходе операции “Буря в пустыне” создало бы опасный прецедент как в плане подрыва контроля над вооружениями, так и в плане беспрецедентного снижения “ядерного порога”.

Индо-пакистанский конфликт (2019 г.). Высокий риск ядерной эскалации наблюдался в период очередного обострения индо-пакистанских отношений в феврале 2019 г. В ходе конфликта индийские ВВС, впервые со времен обретения обоими государствами ядерного статуса, пересекли демаркационную линию в Кашмире и нанесли авиаудар по военным лагерям предполагаемых террористов на территории Пакистана (последний раз подобное нападение было совершено в 1971 г.). Это привело к интенсивным обменам авиаударами в течение февраля и начала марта 2019 г.

По имеющимся авторитетным экспертным свидетельствам, ядерное оружие могло быть использовано пакистанской стороной в случае эскалации конфликта и продвижения индийских вооруженных сил вглубь территории Пакистана [Robock et al. 2019]. Эскалация могла охватить и морской театр военных действий – по некоторым данным, в марте 2019 г. в территориальных водах Пакистана была обнаружена индийская подводная лодка¹⁷.

Напряженная ситуация не привела к обмену ядерными ударами в первую очередь потому, что со стороны Индии был дан сдержанный и соразмерный ответ на действия вооруженных сил Пакистана. Если бы Индия стремилась к ядерной эскалации, то в ее интересах было бы спровоцировать Пакистан нанести первый ядерный удар, поскольку сама она придерживается доктринального принципа неприменения ядерного оружия первыми.

Стабилизирующий эффект имели также публичные высказывания, с которыми выступал премьер Пакистана Имран Хан. Он вполне определенно призывал к деэскалации, подчеркивая разрушительный характер имеющихся у сторон ядерных средств¹⁸. По его словам, сказанным с трибуны ООН, эскалация конфликта, в котором “впервые со времен Карибского кризиса участвуют две ядерные державы”, может привести к “катастрофе такого масштаба, которую никто из нас не в состоянии осознать”¹⁹.

¹⁷ Пакистан нашел и отогнал индийскую подлодку. *Lenta.ru*, 05.03.2019. <https://lenta.ru/news/2019/03/05/submarine> (accessed 28.06.2022).

¹⁸ Waqar A. Nuclear war between India and Pakistan? An expert assesses the risk. *The Conversation*, 06.03.2019. <https://theconversation.com/nuclear-war-between-india-and-pakistan-an-expert-assesses-the-risk-112892> (accessed 28.06.2022).

¹⁹ Border J. Imran Khan warns UN of potential nuclear war in Kashmir. *The Guardian*, 26.09.2019. <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/26/imran-khan-warns-un-of-potential-nuclear-war-in-kashmir> (accessed 28.06.2022).

“ЯДЕРНАЯ ТЕМА” В УКРАИНСКОМ КОНФЛИКТЕ

Президент РФ Владимир Путин в своем обращении 24 февраля 2022 г. после начала специальной военной операции (СВО) на Украине предостерег: “кто бы ни пытался помешать нам, а тем более создавать угрозы для нашей страны, для нашего народа, должны знать, что ответ России будет незамедлительным и приведет вас к таким последствиям, с которыми вы в своей истории еще никогда не сталкивались”²⁰. Это было расценено на Западе как недвусмысленное напоминание о наличии у России ядерного оружия и готовности использовать его при определенных обстоятельствах против тех, кто будет ей мешать или угрожать. Не прошло незамеченным и распоряжение президента перевести российские силы сдерживания в “особый режим несения боевого дежурства”²¹. Предметом пристального внимания в экспертных и политических кругах Запада стала проблема предположительной “ядерной угрозы” со стороны Москвы – насколько серьезно она должна восприниматься и как на нее следует реагировать.

Как отмечалось выше, условия применения ЯО строго регламентируются вполне конкретными обстоятельствами, четко прописанными в официальных доктринальных документах. Такие условия в связи с украинским конфликтом в настоящее время отсутствуют. Министр иностранных дел РФ С. Лавров в связи с этим заметил, что “мы не позволим каким-то провокациям заставить нас выйти из равновесия. Но если против нас начнут развязывать реальную войну, то об этом должны думать те, кто такие планы вынашивает”²².

Президент США Дж. Байден вполне определенно высказался на этот счет в авторской колонке на страницах *New York Times* в конце мая 2022 г., через несколько месяцев после начала СВО. Глава Белого дома на основе предоставленной ему информации от ключевых ведомств, отвечающих за поддержание национальной безопасности, заявил, что Соединенные Штаты “в настоящий момент не видят никаких признаков, указывающих на то, что Россия имеет намерение применить ядерное оружие на Украине”²³.

* * *

Рассмотрение имевших место конфликтов с потенциальной возможностью применения ядерного оружия позволяет прийти к следующим выводам.

Наличие ЯО даже у одного из участников конфликта придает противостоянию крайне опасный характер. Вместе с тем это может служить ограничивающим развитие конфликта фактором. Даже при отсутствии паритета или существенном перевесе ядерных арсеналов в пользу одной стороны²⁴ возникает эффект сдерживания, снижающий вероятность (темп) эскалации конфликта.

²⁰ Обращение Президента Российской Федерации. *Президент России*, 24.02.2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed 28.06.2022).

²¹ Силы сдерживания ВС России приступили к несению боевого дежурства усиленным составом. ТАСС, 28.02.2022. <https://tass.ru/armiya-i-opk/13897773> (accessed 28.06.2022).

²² Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова телеканалам РТ, “Эн-Би-Си Ньюс”, “Эй-Би-Си Ньюс”, “Ай-Ти-Эн”, “Франс 24” и Медиакорпорации КНР, Москва, 3 марта 2022 года. *МИД России*, 03.03.2022. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802677/ (accessed 28.06.2022).

²³ Biden Jr. J. R. President Biden: what America will and will not do in Ukraine. *The New York Times*, 31.05.2022. <https://www.nytimes.com/2022/05/31/opinion/biden-ukraine-strategy.html> (accessed 28.06.2022).

²⁴ Баланс ядерных сил в период Карибского кризиса, как теперь известно, характеризовался многократным перевесом в пользу США: около 4 000 боезарядов, готовых к немедленному применению, против примерно 900-1000 ед. у СССР. При этом по боезарядам стратегических средств доставки перевес США был еще значительнее: 3 500 против 300 [Norris, Kristensen 2012]. Общие же арсеналы боезарядов, включая небоготовые и находящиеся на центральном хранении, составляли приблизи-

Само по себе приведение ядерного оружия в состояние боеготовности или повышение ее уровня служит сигналом серьезности намерений стороны, ее решимости использовать максимум военных средств для достижения своих целей. Реалистичность угрозы применения ЯО оценивается по совокупности признаков военно-технического характера в сочетании с заявлениями государственного руководства, особенно первых лиц государств или его высокопоставленных представителей. В зависимости от их направленности речь может идти как о дальнейшем повышении уровня эскалации (вплоть до применения в конфликте ядерных сил стратегического назначения), так и о ее снижении и переходе в режим деэскалации.

Фактором деэскалации могут быть также переговоры участников конфликта (не обязательно в традиционном дипломатическом формате, но и с задействованием иных каналов последовательного обмена информацией о меняющихся позициях сторон). Здесь полезную роль способны сыграть посредничество, механизмы разведки и иных спецслужб, доверительные контакты, иногда диалог через международные организации.

Сам по себе односторонний отказ от дальнейших эскалирующих действий недостаточен: необходимо найти коммуникационные способы довести компромиссную позицию до другой стороны, а затем трансформировать информационный обмен в диалог и стабильное урегулирование.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ЭСКАЛАЦИИ ИЗ-ЗА НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ОШИБОК, ТЕХНИЧЕСКИХ СБОЕВ И НЕВЕРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Существует серьезная вероятность ядерной эскалации в результате неверного распознавания намерений и действий противника, поспешной или ошибочной реакции, а также потенциальной потери управления ситуацией в ходе военных действий. На вероятность непреднамеренной эскалации вооруженного конфликта к “ядерному порогу” в подобных случаях влияет целый ряд военно-технических факторов.

Широкое распространение ударных вооружений в двойном оснащении (ядерном и обычном) может приводить к необоснованной эскалационной реакции при их распознавании и оценке противником [Arbatov, Dvorkin, Toruchkanov 2017]. Это может привести к удару одной стороны по системе ЯО другой, ошибочно воспринимаемому как удар по конвенциональной системе. В ответ противник может уже осознанно и намеренно атаковать ядерные силы другой стороны, что ведет к эскалации конфликта. Установленный факт запуска, например, крылатой ракеты в обычном оснащении может ошибочно интерпретироваться другой стороной как переход к применению ЯО, если неопределенность оснащения дополняется еще и неопределенностью цели.

Риски особенно возрастают, когда речь идет о сложных и эскалационно опасных системах вооружений большой дальности, таких как гиперзвуковое оружие, которое отличается коротким полетным временем. Ошибка атакующей стороны в оценке ситуации может стать поводом к нанесению ответно-встречного ядерного удара.

Спираль эскалации может раскручиваться не только с военно-технической, но и с военно-стратегической (доктринальной) стороны. Переход ведущих военных держав к восприятию пространства ведения боевых действий даже в локальном

конфликте как к многомерному феномену (концепция “многосферной операции”) создает эффекты “короткого замыкания” через перенос военной активности из одних пространств в другие. Например, космический домен и, в определенном смысле, кибердомен не имеют четкой локализации происходящих в них процессов — это глобальные “пространства”, и задействование соответствующих сил и средств в этих доменах в ходе географически изолированного конфликта приводит к его резкой пространственной эскалации. Переплетение в этих доменах критической инфраструктуры ядерных сил и сил общего назначения создает возможность перехода этой эскалации и через “ядерный порог”.

Исторический опыт и складывающаяся военно-техническая ситуация диктуют следующие возможные направления снижения ядерных рисков, связанных с несанкционированным, ошибочным или непреднамеренным применением ядерного оружия.

Совершенствование систем связи и боевого управления, повышение их боевой устойчивости в сочетании с обеспечением достаточной живучести сил ответного удара повышают уверенность сторон в надежности сдерживания и позволяют отказаться от таких рискованных форм боевого применения, как ответно-встречный удар, наносимый незамедлительно при поступлении предупреждения о ракетном нападении, которое может оказаться и ошибочным. Увеличение времени на принятие решений частично устраняет риски, связанные с техническими ошибками и неверной интерпретацией действий оппонентов. Соответствующее решение может быть дополнено возобновлением совместных проектов по центрам обмена данными о ракетных пусках, в том числе многосторонним.

В текущих условиях подобное решение может стать лишь результатом многокомпонентных договоренностей по ограничению наступательных и оборонительных вооружений всех типов (ядерных и обычных), влияющих на стратегическую стабильность. В то же время выход из соглашений в этой сфере в 2010-2020-е годы подталкивает стороны в противоположном направлении — к принятию доктринальных схем, функционирующих в сжатом цикле боевого управления и более чувствительных к ошибкам.

Возникшую в последние годы ситуацию с требованиями США о расширении сферы охвата переговоров по контролю над наступательными вооружениями до всех типов ядерных боезарядов (как стратегических, так и тактических), что неприемлемо для России и сопряжено со значительными организационно-техническими сложностями, можно было бы конструктивно разрешить через поэтапную схему. Для этого предлагается типологизировать ядерное оружие не только как “стратегическое” или “нестратегическое”, но и через характеристики его развертывания, что более значимо с точки зрения стратегической стабильности. Это позволит учитывать время, которое требуется системе ЯО на приведение в боеготовность и применение. Так, если МБР и БРПЛ на боевом дежурстве уже находятся в немедленной готовности к пуску, то ЯО на базах тяжелых бомбардировщиков размещено в авиааэродромных хранилищах и требует времени для установки на носитель. В сходном оперативном состоянии находятся нестратегические ядерные системы на базах передовых сил, например, тактические авиабомбы США на шести авиабазах в пяти странах НАТО, размещенные в подземных хранилищах прямо под ангарами самолетов-носителей²⁵. При этом находящиеся в центральных хранилищах ядерные боезаряды, как стратегические, так и нестратегические, требуют еще большего времени для приведения в готовность к применению и установки на носитель.

²⁵ Россия официально объявила, что ее нестратегическое ядерное оружие выведено с передовых баз на объекты центрального хранения.

Ограничение развертывания систем вооружений в двойном оснащении или даже запрет на часть таких систем определенного класса (в особенности вооружений большой дальности) также способны решить часть проблем с неверным прочтением намерений оппонента и исключить непреднамеренную эскалацию, особенно в упреждающей форме или в условиях цейтнота. Совершенствование высокоточного неядерного оружия в этом контексте предпочтительно вести отдельными от развития ЯО проектами, с сохранением наблюдаемых отличий систем обычных вооружений от ядерных.

В интересах исключения непреднамеренной эскалации требуется содержательный диалог по вопросу о допустимой степени интеграции систем связи и боевого управления ядерными силами и силами общего назначения. Слияние информационных и управляющих оружием систем различного назначения также может нести в себе риски эскалации [Acton 2018]. Например, орбитальные эшелоны связи и боевого управления ядерными силами и силами общего назначения в последнее время принято интегрировать в единую систему. Применение противоспутникового оружия против такой системы, призванное нарушить связь и управление силами общего назначения на театре военных действий, может быть воспринято как атака на критическую инфраструктуру ядерных сил и привести к несоразмерному ответу²⁶.

Серьезные аргументы в пользу тесной интеграции этих систем носят экономический (высокая стоимость переделки и разделения систем), эксплуатационный (удобство комплексирования управления силами и средствами), а также военно-стратегический характер (намеренное переплетение систем управления может рассматриваться как фактор, дополнительно сдерживающий атаки на них). Ввиду большой сложности и военно-технической многомерности проблемы назрела задача по взвешенной комплексной оценке как выгод, так и рисков глубокого слияния систем связи и боевого управления ядерными силами и силами общего назначения. Такая оценка должна осуществляться и учитываться в ходе межгосударственного диалога на уровне компетентных военных специалистов.

Необходим общий диалог об устойчивости и надежности систем связи и боевого управления ядерными силами как фактора стратегической стабильности. Глубокие сокращения ядерных вооружений и формирование многополярного ядерного мира все меньше позволяют полагаться на паритетные схемы контроля над СНВ и все больше требуют изучения феномена достаточного сдерживания, на который в таких условиях сильно влияют особенности функционирования систем связи и управления.

НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗМОЖНОЙ ЭСКАЛАЦИИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ ДО “ЯДЕРНОГО ПОРОГА”

Любой военный конфликт в принципе способен обрести более широкий характер — по пространственному ареалу, используемым вооружениям, масштабам вовлеченных в него сил и средств и т.п. Такое развитие событий можно рассматривать как эскалацию конфликтного противоборства.

Движение вверх по “лестнице эскалации” может в некоторый момент времени перевести конфликт в ядерную фазу. “Ядерный порог” — умозрительная,

²⁶ Например, п. 19(в) “Основ государственной политики РФ в области ядерного сдерживания” от 2020 г. прямо устанавливает в качестве одного из условий принятия решения на применение ЯО “воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты Российской Федерации, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил”. В “Обзоре ядерной политики” США от 2018 г. в перечне “чрезвычайных обстоятельств”, в которых может быть применено ЯО, в числе прочего указаны “существенные неядерные атаки... на системы связи и боевого управления” (с. 21).

но критически важная точка в эскалационной динамике. Пока последняя не вышла на этот уровень, сохраняется возможность переориентировать конфликт по нисходящему вектору. Пересечение же “ядерного порога” может оказаться необратимым.

Это лишь один из возможных сценариев возникновения ядерной войны. Есть и другие, не менее опасные. Например, сознательное ее развязывание, когда нанесение первым ядерного удара осуществляется с целью уничтожить противника или как превентивная мера (причем грань между этими двумя мотивами может оказаться весьма условной). Но поэтапная эскалация неядерного вооруженного конфликта с переходом в ядерную фазу — в практическом смысле наиболее вероятный сценарий. Он не предполагает сверхисключительных обстоятельств, а проистекает из простой логики конфликтного противостояния. Сам факт такового оказывается постоянно существующим потенциальным источником риска ядерного столкновения.

Государство, вовлеченное в вооруженный конфликт, может счесть исчерпанными свои возможности достичь поставленных целей с использованием только конвенциональных средств. Это главный собственно военный аргумент, способный подтолкнуть к пересечению “ядерного порога”. Возможен и другой вариант — решение принимается для того, чтобы не допустить резкого изменения оперативной обстановки в пользу противника. Тогда, как можно предположить, применение ядерного оружия будет обосновываться жизненно важной необходимостью избежать поражения.

Выход на “ядерный порог” возможен на разных стадиях конфликта. Например, в самом его начале — в расчете на быстрое победное завершение. Или, наоборот, на его исходе — ради обретения сильных рычагов в предстоящем урегулировании ситуации (как в случае с решением США применить ядерное оружие против Японии в августе 1945 г. на завершающей стадии войны). Могут рассматриваться и другие сценарии “ядерного хода” в развитии эскалации. Например, основанные на логике *escalating to de-escalate*²⁷ (предусматривающей ограниченное использование ядерного оружия с целью воздействовать на противника психологически, показать серьезность намерений и в результате придать конфликту понижающуюся динамику). Или предполагающие осуществление “демонстрационного ядерного взрыва” с целью обозначить решимость перейти “ядерный порог”.

При анализе эскалационной динамики высказывается предположение, что в случае использования ЯО стороны будут стремиться по мере возможности придерживаться некоторых самоограничений (соразмерный ответ, применение зарядов малой мощности, минимизация сопутствующего ущерба и т.п.). Их цель — обозначить намерение удержать выведение конфронтационной ядерной спирали на более высокие уровни. В этом алгоритме есть своя логика, но еще больше — сомнений касательно того, насколько удастся его придерживаться на практике. Не приведет ли первое же применение ядерного оружия, пусть даже небольшой мощности и точно, к непредсказуемым последствиям? И не окажутся ли стороны просто не в состоянии тщательно рассчитывать каждый последующий шаг и “весомость” своих ответных мер? Если так, то пересечение “ядерного порога” может оказаться исходной точкой лавинообразного процесса дальнейшей эскалации, вплоть до глобального столкновения с применением всей мощи ядерных арсеналов.

²⁷ “Эскалация с целью деэскалации”. Некоторые западные эксперты приписывают такую скрытую установку российской стороне — что решительно ею отрицается. См., в частности, [Левшин, Неделин, Сосновский 1999].

МЕХАНИЗМЫ ДЕЭСКАЛАЦИИ, ПРИМЕНИМЫЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В КРАТКОСРОЧНОЙ И СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ

Рассматривая пути минимизации вероятности эскалации инцидента с участием военнослужащих и боевой техники противостоящих друг другу государств в масштабный конфликт с применением ядерного оружия, необходимо анализировать весь арсенал средств и механизмов деэскалации: доктринальных, международно-правовых, политических, технических, коммуникационных. В то же время очевидно, что в условиях проведения СВО на Украине и открытой конфронтации России со странами Запада во главе с США говорить о каких-либо доктринальных мерах (скажем, принятие обязательства неприменения ядерного оружия первыми) и мерах международно-правовых (быстрое заключение новых соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления мер доверия) не приходится.

Разблокирование работы Совета Россия – НАТО и возобновление работы представителей РФ в штаб-квартире НАТО в Брюсселе и штабе ВГК ОВС НАТО в Монсе пока практически исключены. Основополагающий Акт Россия – НАТО фактически обнулен в результате действий Брюсселя (развертывание дополнительных существенных боевых сил на территории стран Балтии и Восточной Европы) и перестал работать. Максимум, на что можно рассчитывать в политической области в долгосрочном плане – это заключение рабочего соглашения с НАТО о взаимном информировании о проведении ограниченного перечня мероприятий оперативной и боевой подготовки.

В кратко- и среднесрочной перспективах речь может идти лишь о технических и коммуникационных механизмах предотвращения эскалации. Они уже существуют и базируются на соглашениях и договоренностях, заключенных либо в период существования СССР, либо в 1990-е годы. Другое дело, что эти механизмы необходимо и возможно совершенствовать. Вряд ли это возможно, пока на Украине продолжаются боевые действия. Но после их завершения стороны, как хотелось бы надеяться, придут к какому-то варианту урегулирования: тогда можно вернуться к предложению, сделанному в июне 2020 г. начальником Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ²⁸. Речь идет о возможной договоренности с НАТО о минимальных дистанциях сближения воздушных и морских судов, а также осуществления полетов военной авиации в районе Балтийского и Черного морей только с включенными транспондерами для минимизации вероятности прямого военного столкновения между ВС России и НАТО.

Кроме того, еще до начала СВО российский Генштаб принял решение не проводить крупномасштабных учений в непосредственной близости от границ с членами НАТО²⁹. Это положение, очевидно, будет распространено и на новый участок границы российской и натовской инфраструктур – границу России и ранее нейтральной Финляндии после приема последней в НАТО.

Конечно, рассмотрение и решение данных вопросов в большей степени зависят от желания избежать эскалации инцидента, чем от технических деталей

²⁸ Начальник Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник Сергей Рудской провел брифинг для представителей СМИ. Минобороны России, 1 июня 2020 г. https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12295316 (accessed 28.06.2022).

²⁹ Там же.

соответствующих соглашений. Командиры могут в большинстве случаев избежать как самих инцидентов, так и их эскалации с участием подчиненных им сил и средств. Главное, чтобы они придавали этим вопросам приоритетное значение.

Вместе с тем, исходя из того, что в обозримой перспективе напряженность между Россией и Западом будет продолжаться и, возможно, усиливаться, необходимо предусмотреть ряд первоочередных дополнительных шагов для предотвращения эскалации текущих и непреднамеренных военных инцидентов в полномасштабный вооруженный конфликт, если таковой начнется, а также для его деэскалации, пока он не перерос в ядерный. В частности, целесообразно предпринять следующие первоочередные шаги:

– Возобновить проведение регулярного телефонного контакта (в перспективе, возможно, и личных консультационных встреч) начальника Генерального штаба ВС РФ, председателя Комитета начальников штабов ВС США и Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе для решения возникающих актуальных вопросов.

– В дополнение к существующим каналам связи между США, НАТО и Россией на высшем и высоком военном уровне (НГШ ВС РФ с председателем ОКНШ ВС США и ГК ВС США в Европе, он же ВГК ОВС НАТО в Европе) целесообразно установление “горячих” линий оперативной связи между российскими и натовскими региональными командованиями, а именно: (1) ГК ОВС НАТО “Север” – командование Западным военным округом ВС РФ; (2) ГК ОВС НАТО “Юг” – командование Южным военным округом ВС РФ; (3) командование Шестым флотом ВМС США – командование Черноморским флотом ВМФ РФ.

– Странам НАТО и России, а также другим европейским государствам необходимо совместно сформулировать минимальный набор реальных мер, которые были бы приняты обеими сторонами в форматах как официальных соглашений, так и неформальных договоренностей, или реализованы как односторонние, но параллельные скоординированные шаги. Это касается упомянутой выработки НАТО и Россией единых совместных правил, которые определяли бы порядок предотвращения инцидентов при опасном сближении самолетов и кораблей, а также соответствующий порядок взаимодействия в этих целях экипажей и командований.

– Помимо этого, необходимо достичь договоренности по уведомлениям между Россией и США относительно патрулирования и полетов тяжелых бомбардировщиков вблизи границ другой стороны, подобно уведомлениям, которыми они обмениваются по пускам МБР и БРПЛ³⁰.

– В целях предотвращения возможной эскалации в ходе активной фазы российской специальной операции на Украине представляется целесообразным заранее довести до командования НАТО и политических кругов стран – членов альянса позицию российской стороны о готовности применить комплекс ответных мер, включающих нанесение ударов высокоточным оружием по местам сосредоточения на территории Польши и Румынии поставляемых Украине американских и западноевропейских вооружений в случае их использования Украиной для поражения целей на территории РФ.

³⁰ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об уведомлениях о пусках межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок от 31 мая 1988 г.

– После завершения активной фазы специальной военной операции на Украине можно было бы подумать о создании в регионах Балтийского и Черного морей между военными структурами России и НАТО совместных механизмов “деконфликтинга” со стандартными процедурами информирования и согласования, как это сделано в Сирии между Россией и США³¹.

– В долгосрочной перспективе, после изменения геополитической ситуации (возможно, в масштабах десятилетий) можно было бы перейти к разработке более масштабной договоренности (соглашения) о комплексе мер сдержанности при проведении мероприятий оперативной и боевой подготовки в районах Балтийского и Черного морей. Такое соглашение могло бы включать ограничения на размещение и/или характер сил, средств и элементов военной инфраструктуры в согласованных районах, а также на проведение в них учений свыше определенного масштаба. Возможно рассмотреть возможность установления зон, в которых вообще не проводились бы учения, например, в 5–10 км от границ. При этом целесообразно ввести ограничения в согласованных районах на численность личного состава и на некоторые виды военной техники.

– В перспективе также целесообразно рассмотреть возможность распространения договоренностей о предотвращении инцидентов и опасной военной деятельности³² на новые области. Предложение президента России о совместной с США разработке и заключении двустороннего межправительственного соглашения о предотвращении инцидентов в киберпространстве по аналогии с Соглашениями о предотвращении инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ним заслуживает самого серьезного к нему отношения.

128 **ДОЛГОСРОЧНЫЕ МЕРЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ВЗАИМНОГО ДОВЕРИЯ МЕЖДУ ЯДЕРНЫМИ ДЕРЖАВАМИ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТОВ**

Меры по укреплению доверия и безопасности (МДБ) в наибольшей степени разработаны в Европе. Их выработка и применение осуществлялись в основном в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), но подобные меры применяются и в других регионах³³. МДБ изначально разрабатывались с целью “содействовать уменьшению опасности вооруженного конфликта, неправильного понимания или неправильной оценки военной деятельности, которая могла бы вызвать опасения, в частности, в условиях, когда у государств-участников отсутствует ясная и своевременная информация о характере такой деятельности”³⁴. Считалось, что применение МДБ будет

³¹ U.S., Russia Sign Memorandum on Air Safety in Syria. *U.S. Department of Defense*, 20.10.2015. <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/624964/us-russia-sign-memorandum-on-air-safety-in-syria> (accessed 28.06.2022).

³² К таковым относятся Соглашение между правительством СССР и правительством США о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 г. (с изменениями и дополнениями от 1979 и 1986 гг.) и Соглашение между правительствами СССР и США о предотвращении опасной военной деятельности от 12 июня 1989 г.

³³ Обзор МДБ, применяемых в различных регионах см.: Укрепление доверия. *Управление ООН по вопросам разоружения*. <https://www.un.org/disarmament/ru/укрепление-доверия> (accessed 28.06.2022). См. также: Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. *Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов*. <https://docs.cntd.ru/document/901763237?ysclid=l459k880c5> (accessed 28.06.2022).

³⁴ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. С. 11. *ОБСЕ*. https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (accessed 28.06.2022).

способствовать уменьшению взаимного недоверия за счет повышения “прозрачности” (“транспарентности”) и предсказуемости их военной деятельности [Schmidt 2013: ii]. Как правило, такие меры предполагают *регулярный обмен информацией* о военных силах, основных системах вооружения и техники, планах их развертывания и оборонного планирования, *предварительное уведомление* об определенных видах военной деятельности, *наблюдение* за такой деятельностью и другие меры *проверки*, а также различные формы *контактов и сотрудничества по военной линии*. Венский документ ОБСЕ 2011 г. о МДБ содержит также ряд мер по уменьшению опасности, включая *механизм консультаций в отношении необычной военной деятельности*, сотрудничество в отношении эскалации опасных инцидентов военного характера и организацию на добровольной основе посещений для устранения озабоченностей в отношении военной деятельности³⁵.

Россия, США, Великобритания и Франция имеют большой опыт согласования *специальных деэскалационных мер*, цель которых — не допустить непреднамеренную эскалацию опасных военных инцидентов и (или) добиться деэскалации кризиса. На более позднем этапе такие меры были согласованы КНР с США и Японией, а также между Индией и Пакистаном.

При обсуждении пробелов и путей совершенствования механизмов предотвращения эскалации опасных военных инцидентов экспертами высказываются, в частности, следующие дополнительные предложения.

Центры по уменьшению ядерной опасности (ЦУЯО) были созданы в Москве и Вашингтоне на основе соглашения 1987 г. Их круглосуточные дежурные подразделения вносят свой вклад в транспарентность и взаимопонимание посредством своевременного и точного обмена информацией, предусмотренного договорами в области контроля над вооружениями и соглашениями по укреплению безопасности. Изначально они создавались для обмена уведомлениями о ракетных пусках. В дальнейшем их мандат расширялся, и они стали ежегодно обмениваться несколькими тысячами уведомлений не только в рамках договоров о сокращении СНВ, но и по другим вопросам, в том числе в рамках Договора об обычных вооруженных силах в Европе, Договора “Открытого неба”, Конвенции о запрещении химического оружия, Венского документа по МДБ [Отказ... 2016: 17].

Аналогичные центры уменьшения ядерной опасности могли бы существенно содействовать укреплению предсказуемости в отношениях между КНР и США, Индией и Пакистаном, потенциально — КНР и Индией.

Предотвращению непреднамеренной эскалации в результате отдельных инцидентов между вооруженными силами России и Беларуси, с одной стороны, и стран НАТО и ЕС — с другой помогло бы создание совместного европейского Центра уменьшения военной опасности, который функционировал бы на тех же принципах, что и российско-американские ЦУЯО и имел бы прямые линии связи с Генеральным штабом ВС России, Комитетом начальников штабов ВС США и Штабом ОВС НАТО в Европе³⁶.

Несмотря на то, что КНР заключила соглашения с США и Японией о предотвращении опасных инцидентов в открытом море и воздухе над ним, представляется целесообразным дополнить эти договоренности аналогичными соглашениями КНР с другими союзниками США в Восточной Азии (Республика Корея, Филиппины, Таиланд), потенциальная эскалация инцидентов с которыми могла бы втянуть США в противостояние в силу союзни-

³⁵ Венский документ 2011 года о мерах укрепления доверия и безопасности. ОБСЕ. <https://www.osce.org/files/f/documents/b/3/86600.pdf> (accessed 28.06.2022).

³⁶ См. [Отказ 2016: 18]; Zellner, Olikier, Pifer, op. cit. P. 10.

ческих обязательств. Альтернативным вариантом могло бы стать подписание многостороннего соглашения с участием США, тем более что Пекин не соглашается на участие Вашингтона в переговорах со странами АСЕАН о Кодексе поведения в Южно-Китайском море [O'Rourke 2020: 55–57].

Современный период международных отношений, время глубокого кризиса в отношениях России и Запада характеризуется высоким уровнем конфликтности, заметно повышающим риск применения ядерного оружия. Нарастает и напряженность в отношениях США и КНР. Не спадает напряженность в отношениях Индии и Пакистана, приводившая всего три года назад к угрозам применения ЯО. Для предотвращения такой вероятности должен быть предпринят ряд самых неотложных и первоочередных мер, предотвращающих возможность эскалации конфликта до ядерного уровня.

В ядерной области как сейчас, так и ранее именно ядерное сдерживание являлось весомым фактором предотвращения эскалации. Отметим разнотипные факторы, реально и потенциально содействующие деэскалации конфликтов.

Группа доктринальных факторов, облегчающих деэскалацию:

– само наличие рационально сформулированных, утвержденных политическим руководством, имеющих публичную версию доктринальных документов, регулирующих обладание ЯО и его потенциальное применение³⁷;

– фиксация в доктринальных документах государства обязательства неприменения ядерного оружия первыми³⁸;

– доктринальная ориентация на неприменение ядерного оружия против стран, им не обладающих;

– наличие разработанных доктрин и оперативных планов ограниченного применения ядерных средств³⁹ в дополнение к доктринам их массированного применения (“массированного возмездия”);

– следование принципу поэтапности и примерного соответствия уровня реакции государств на действия друг друга.

Инфраструктурные факторы, облегчающие деэскалацию:

– сохранение существенных компонентов ядерного арсенала, в том числе и в ходе начавшегося конфликта, в неразвернутом состоянии (пример – долгосрочное размещение российского тактического оружия на складах без выдвигания в районы потенциальных и актуальных региональных конфликтов);

– наличие у сторон надежных, дублированных систем связи и управления ядерными арсеналами, исключающих или сводящих к минимуму вероятность несанкционированного, непреднамеренного, ошибочного применения ЯО;

– высокая выживаемость разных компонентов ядерных арсеналов, позволяющая не опасаться за сохранение достаточных средств для нанесения ответного удара с неприемлемыми для противника потерями и тем самым гарантирующая сдерживание;

³⁷ Ряд стран – обладателей ЯО (Израиль, Пакистан, КНДР) не заявляют публичных доктринальных документов и не проясняют принципов потенциального применения ими ЯО.

³⁸ На сегодняшний день обязательство неприменения ядерного оружия первыми закреплены только в доктринальных документах КНР и Индии.

³⁹ Что может снижать “ядерный порог”, но одновременно расширять поле маневра для компромиссов и разных сценариев перехода от локального, тактического, “демонстрационного” применения к массированному применению ядерных средств.

- развитие систем стратегической и тактической ПРО⁴⁰;
- диверсификация по мощности и функциям типов ядерных носителей и боезарядов, позволяющая соблюдать пропорциональность в ответе на нападение и не переходить к массированному ответному удару при нападении со стороны противника ограниченными средствами.

Группа силовых факторов деэскалации:

- убедительная угроза применения ядерного оружия одной из сторон, в сочетании с другими военными и политическими средствами, способна при определенных политических условиях придать заметный стимул деэскалации конфликтной ситуации;

- угроза силового вмешательства третьей стороны, обладающей ядерным оружием, в определенных политических обстоятельствах может выступать фактором деэскалации (как это было в ходе Суэцкого кризиса 1956 г.);

- приведение в боеготовность ядерного оружия (повышение уровня готовности) может стать важным (ключевым) фактором или войти в число составляющих процесса деэскалации конфликта.

Группа переговорных и коммуникационных факторов деэскалации:

- наличие прямых каналов связи между высшим политическим руководством потенциально или актуально конфликтующих сторон;

- наличие оперативных каналов экстренной связи на рабочем уровне между военным руководством сторон на уровнях от начальников генеральных штабов и ниже вплоть до командования группировок войск сторон, размещенных в невоенное время в непосредственном соприкосновении;

- весомым деэскалационным фактором при угрозе ядерного конфликта является прямой интенсивный диалог между первыми (высокопоставленными) лицами государств или их доверенными лицами;

- заметным фактором деэскалации в условиях дефицита возможностей прямого диалога между участниками конфликта является посредническая деятельность третьих стран, в особенности тех, кто пользуется доверием и имеет авторитет (возможности давления) среди участников;

- фактором деэскалации в ряде случаев может быть и посредническая роль авторитетных международных организаций (в первую очередь – ООН);

- заметную роль может сыграть фиксация (промежуточных) компромиссных решений и договоренностей (как вариант – на международных площадках и/или с участием посредников) с учетом интересов конфликтующих сторон;

- сохранение и развитие системы контроля над вооружениями в виде договоров и соглашений об ограничении и сокращении определенных видов и типов вооружений;

- наличие опыта верификации выполнения сторонами договоров и соглашений в военной области, техники и навыков осуществления верификационных действий, взаимных проверок, запросов;

- создание и функционирование центров по уменьшению ядерной опасности и обмена данными (например, информацией об испытательных пусках ракет и проведении учений);

- наличие опытной дипломатической школы и дипломатического персонала “переговорщиков”;

⁴⁰ Наличие систем стратегической ПРО может работать и на эскалацию, создавая у страны – обладателя таких систем иллюзию о возможности отразить ответный удар или существенно сократить ущерб от него.

– сохранение на всех этапах конфликта прямых контактов конфликтующих сторон на дипломатическом уровне или через международные организации, которые могут стать переговорными площадками.

Социальные факторы, делающие деэскалацию возможной:

– наличие достаточных ресурсов выживания и продолжения функционирования государства даже в случае прохождения через ограниченный ущерб от неполномасштабного применения противником ядерного оружия (большой территориальный, демографический, индустриальный, ресурсный потенциал страны);

– отсутствие фактора религиозного фанатизма и радикализма как мотивации какой-либо из сторон к применению ядерного оружия;

– сохранение ядра общесоциальной и коммуникационной инфраструктуры государства в ходе конфликта, в том числе и после потенциального ограниченного применения противником ядерных средств, позволяющей продолжать относительно эффективно задействовать вертикаль управления и командования.

В современной напряженной международной обстановке для сохранения возможностей деэскалации в случае движения в направлении эскалации отношений России и НАТО необходимо предпринять ряд “стабилизационных мер” в “неядерных” сферах. В нынешних обстоятельствах первоочередное значение имеет требование невмешательства НАТО в ход и характер специальной военной операции РФ на Украине.

В целях предотвращения возможности выхода нынешней опасной ситуации из-под контроля следует подумать над форматом согласования мер стабилизации. Если восстановление диалога в уже имеющихся структурах, одной из которых является Совет Россия – НАТО, представляется маловероятным, то следует начать работу в направлении создания новой консультативно-переговорной структуры между Россией и НАТО, призванной предотвращать опасную эскалацию их отношений и снимать текущие проблемы.

В первую очередь между Россией и НАТО должны быть разработаны правила “деконфликтинга” – оперативного реагирования на чреватые эскалацией военные инциденты (по примеру взаимодействия российских и американских военных структур на ранней стадии сирийской операции). Как показывает практика, разработка таких правил может вестись и в самой острой военно-политической ситуации.

В целях стабилизации ситуации Россия и США могли бы подтвердить свою приверженность имеющимся документам по предотвращению инцидентов 1972 и 1989 гг. Отдельные положения этих документов могут быть оперативно дополнены и согласованы.

Непрерывность и преемственность процесса контроля над вооружениями является безусловным фактором стабилизации военно-политических отношений, создающим условия для деэскалации конфликтных ситуаций. Возобновление и продолжение процесса контроля над стратегическими ядерными вооружениями – ключевая задача. Для ее выполнения могут быть созданы рабочие группы дипломатов, военных и независимых экспертов, которые разработали бы дальнейшие практические предложения.

Разрешение глубоких политических противоречий между державами вряд ли возможно в краткой исторической перспективе. Однако, действуя в условиях сохра-

няющейся высокой напряженности, всем участникам международных отношений важно исходить из понимания, что меры деэскалации необходимо применять каждый раз, когда развитие обстановки подводит к “ядерному порогу”, переступить через который человечество не должно ни при каких обстоятельствах.

DOI: 10.17976/jpps/2022.06.09

AVOIDING NUCLEAR WAR. PROBLEMS OF ESCALATION/DE-ESCALATION OF ARMED CONFLICTS WHEN APPROACHING THE “NUCLEAR THRESHOLD”

**V.G. Baranovsky^{1, 2}, E.P. Buzhinsky^{1, 3, 4, 5, 6}, A.V. Zagorsky^{1, 2}, A.I. Nikitin^{1, 2, 5, 6, 7},
S.K. Oznobishchev^{1, 2}**

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

² Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

³ Russian International Affairs Council. Moscow, Russia

⁴ PIR-Center. Moscow, Russia

⁵ HSE University. Moscow, Russia

⁶ Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

⁷ Russian Political Science Association. Moscow, Russia

BARANOVSKY, Vladimir Georgievich, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Hist.), Professor, MGIMO University; Board member and Head of the scientific program, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: baranovsky@imemo.ru; **BUZHINSKY, Evgeniy Petrovich**, Lt. General (Ret.), Cand. Sci. (Mil.), Expert, MGIMO University; Vice-President, Russian International Affairs Council; Chair of the Council, PIR-Center; Head of the Research Center, Lomonosov Moscow State University; Professor, HSE University, email: buzhinsky@pircenter.org; **ZAGORSKY, Andrei Vladimirovich**, Cand. Sci. (Hist.), Professor, MGIMO University; Department Head, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: zagorskiandrei@gmail.com; **NIKITIN, Alexander Ivanovich**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Political Theory Department, Director, Center for Euro-Atlantic Security of the Institute for International Studies, MGIMO University; Principal Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Professor, HSE University; Professor, Moscow State University; President Emeritus, Russian Political Science Association, email: an@inno.mgimo.ru; **OZNOBISHCHEV, Sergey Konstantinovich**, Cand. Sci. (Hist.), Professor, MGIMO University; Section Head, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: serko96@gmail.com

Baranovsky, V.G., Buzhinsky, E.P., Zagorsky, A.V., Nikitin, A.I., & Oznobishchev, S.K. (2022). Avoiding nuclear war. Problems of escalation/de-escalation of armed conflicts when approaching the “nuclear threshold”. *Polis. Political Studies*, 6, 114-134. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.09>

Acknowledgements. The article has been prepared in the framework of the MGIMO grant project “Systemic Advancement of the International Activities of the MGIMO Institute for International Studies” (Project 2022-02-02, project chaired by A. Nikitin) and presents main findings of the Analytical Report elaborated within this project.

Received: 04.07.2022. Accepted: 09.08.2022

Abstract. Several historic international conflicts, considered in the article, have presented a risk of nuclear weapons being used. The authors analyze and systematize factors and methods that allowed the sides to prevent the escalation of such conflicts to the “nuclear threshold” and avoid the risk of catastrophic consequences linked to passing such a “threshold”. The opportunity and probability of avoiding a nuclear escalation that is caused by unintended or unsanctioned actions, human and technical mistakes, malfunctions, wrong interpretations of the actions of the potential adversary are discussed. The authors review existing mechanisms of de-escalation of military-political incidents and analyse the complex of confidence-building and security assuring measures. Their validity and applicability in modern conditions

are considered through a study of the current tense situation in Russia's relations with the West/NATO, as well as in a long-term (in scale of decades) perspective.

Keywords: nuclear weapons, escalation, de-escalation, armed conflicts, “nuclear threshold”, NATO, confidence building measures, international security.

References

Acton, J. (2018). Escalation through entanglement: how the vulnerability of command-and-control systems raises the risks of an inadvertent nuclear war. *International Security*, 43(1), 56-99. https://doi.org/10.1162/isec_a_00320

Arbatov, A., Dvorkin, V., & Topychkanov, P. (2017). Entanglement as a new security threat: a Russian perspective. In: J. Acton (Ed.), *Entanglement. Russian and Chinese Perspectives on Non-Nuclear Weapons and Nuclear Risks* (pp. 11-46). Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Lissner, R.F. (2017). Assessing the nuclear lessons of the First Gulf War. In: M. Cancian (Ed.), *Project on Nuclear Issues: A Collection of Papers from the 2016 Nuclear Scholars Initiative and PONI Conference Series* (pp. 57-69). Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Norris, R., & Kristensen, H. (2010). Global nuclear weapons inventories, 1945-2010. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 66(4), 77-83. <https://doi.org/10.2968/066004008>

Norris, R., & Kristensen, H. (2012). The Cuban missile crisis: a nuclear order of battle, October and November 1962. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 68(6), 85-91. <https://doi.org/10.1177/0096340212464364>

O'Rourke, R. (2020) U.S.–China strategic competition in South and East China seas: background and issues for Congress. Washington, DC: Congressional Research Service.

Robock, A., Toon, O., Bardeen, C., Xia, L., Kristensen, H., McKinzie, M., Peterson, R., Harrison, C., Lovenduski, N., & Turco, R. (2019). How an India-Pakistan nuclear war could start – and have global consequences. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 75(6), 273-279, <https://doi.org/10.1080/00963402.2019.1680049>

Roy-Chaudhury, R. (2009). India's nuclear doctrine: a critical analysis. *Strategic Analysis*, 33(3), 404-414, <https://doi.org/10.1080/09700160902790084>

Schmidt, H.-J. (2013). Verified transparency. New conceptual ideas for conventional arms control in Europe. PRIF Report No. 119. Frankfurt am Main: PRIF.

Schwartz, R.A. (1998). *Encyclopedia of the Persian Gulf War*. Jefferson, NC: McFarland.

Kuhn, U., Thielmann, G., & Zagorski, A. (Ed.). (2016). Otkaz ot konfrontatsii: Vozvraschenie k sderzhannosti i dialogu mezhdu Rossiei i Zapadom [Back from the brink: toward restraint and dialogue between Russia and the West]. 3rd Report of the Deep Cuts Commission. Hamburg: IFSH. (In Russ.)

Levshin, V.I., Nedelin, A.V., & Sosnovskiy, M.E. (1999). On employing nuclear weapons to de-escalate hostilities. *Voennaya mysl'*, 3, 34-37. (In Russ.)

Литература на русском языке

Левшин В.И., Неделин А.В., Сосновский М.Е. 1999. О применении ядерного оружия для де-эскалации военных действий. *Военная мысль*. № 3. С. 34-37.

Отказ от конфронтации: Возвращение к сдержанности и диалогу между Россией и Западом. (2016). Третий доклад Комиссии по проблемам глубокого сокращения ядерного оружия. Под ред. У. Кюна, Г. Тильмана, А. Загорского. Гамбург: IFSH.